

© 2024 г. Ю.Л. МИХАЙЛОВА

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ЛАТВИИ О ПЕРИОДЕ ПЕРВОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ. 1987–1990

Михайлова Юлия Леонидовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: mikhailova@list.ru

Researcher ID: J-7625-2017

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2024-537).

Аннотация. В годы перестройки в Латвии произошло формирование нового исторического нарратива. Возникли различные общественные инициативы, исходившие от политических и общественных групп. Одной из них стало восстановление памяти о «забытых страницах истории», событиях и людях, которые по идеологическим причинам в Советском Союзе не упоминались. Поскольку речь в этот период шла о восстановлении государственного суверенитета, «возрождение» памятных дат, связанных с историей первой независимости Латвийской Республики (1918–1940), стало логичным следствием поиска своих истоков. Многие события прошлого вписывались не только в контекст коллективной памяти, но и упоминались в политических документах, направленных на восстановление суверенитета. Процесс формирования новой исторической памяти включал различные составляющие — коммеморативные практики, «возрождение» забытых исторических дат (День независимости 18 ноября), акции, призванные привлечь внимание к истории потери первой независимости («Балтийский путь»). Одна из основных целей данного процесса — создание нового исторического нарратива, который подразумевал бы преемственность и юридическую идентичность между Латвийской Республикой межвоенного периода и той, что в позднесоветскую эпоху стремилась выйти из состава СССР и восстановить утраченную независимость. Выстраивание доктрины государственной непрерывности подразумевало, с одной стороны, поиск опорных точек, которые стали бы фундаментом для новой государственной и национальной идентичности, с другой — включало и публичное обсуждение «черных страниц» истории (таких событий, как советско-германский договор о ненападении 23 августа 1939 г., депортации 1940–1941 гг. и 1948–1949 гг.), что отражало желание преодолеть тяжелое историческое прошлое, связанное с потерей независимости в 1940 г., и выстроить концепцию легитимных международных отношений.

Ключевые слова: СССР, Латвия, перестройка, историческая память, историческая политика.

J.L. Mikhailova

Formation of Historical Memory of the First Independence Period in Latvia in the Perestroika Years, 1987–1990

Mikhailova Julia, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: mikhailova@list.ru

Researcher ID: J-7625-2017

Abstract. The author analyses the evolution of a new historical narrative in Latvia during the era of Perestroika, a period marked by the emergence of numerous public initiatives springing from political and social movements. One of the key initiatives was the restoration of the memory of ‘forgotten pages of history’, namely events and individuals who had been erased from the historical record in the Soviet Union for ideological reasons. Given that the restoration of state sovereignty was a central objective of this period, the “revival” of commemorative dates related to the history of the Republic of Latvia’s first independence (1918–1940) was a logical consequence of the search for one’s roots. A number of historical events were not only integrated into the collective memory but also referenced in political documents designed to reinstate national sovereignty. One of the primary objectives of this process was to construct a new historical narrative that would assert continuity and legal identity between the Republic of Latvia of the interwar period and the one that emerged in the late Soviet era, seeking to secede from the USSR and regain its lost independence. The formulation of the doctrine of national continuity entailed, on the one hand, the pursuit of reference points that would serve as the basis for a new state and national identity, and, on the other hand, encompassed a public discourse on the “black pages” of history, reflecting the aspiration to overcome the challenging historical legacy associated with the loss of independence in 1940 and to establish a framework for legitimate international relations.

Keywords: USSR, Latvia, Perestroika, historical memory, historical politics.

Историческая память как сложный коллективный феномен — отражение представлений той или иной социальной группы о прошлом. Специалисты, изучающие механизмы формирования исторической памяти, отмечают, что это подвижная, обновляемая структура. Потребность в обновлении возникает особенно остро в кризисные моменты, когда в результате внутренних или внешних вызовов может потребоваться реорганизация памяти о прошлом, своеобразная «перезагрузка»¹.

Последние годы существования СССР — эпоха перестройки — стали, безусловно, одним из таких моментов. Ярким примером стремления к «перезагрузке» прошлого явились республики Прибалтики, для которых обращение к истории, в частности к эпохе независимости в межвоенный период (1918–1940), стало не только попыткой переосмыслить прошлое, актуализировать те события, которые замалчивались или предавались в советский период забвению, но и включить это новое прошлое в исторические и политические концепции.

С этим тесно связаны процессы построения новой национальной идентичности. Как отмечает Л.П. Репина, «национальная идентичность исторична, нация, по сути, тождественна истории нации, т.е. нарративам национальной истории»². Формирование новой исторической памяти в прибалтийских республиках, в том числе Латвии, было связано с постепенным оформлением идеи выхода из состава СССР. Если на раннем этапе перестройки требования политической независимости еще не звучали широко, то с развитием общественно-политических движений (Народный фронт Латвии — НФЛ, Движение за национальную независимость Латвии — ДННЛ) запрос на корректировку представлений о собственной национальной идентичности звучал все отчетливее. В прошлое уходила принадлежность к общей, «советской» нации, на первый план выходила задача построения национальных государств.

Обращение к истории играет в этих процессах большую роль. Исследователи особое внимание уделяют ответу на вопрос: почему одни факты «забываются», стираются из коллективной памяти, а другие, наоборот, возрождаются или трактуются по-новому? Изучению

¹ См.: Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания. М., 2003; *Ее же*. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–15.

² Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность. С. 12.

практик «коммеморации» и «рекоммеморации» и тесно связанных с этим политических процессов посвящено немало исследований³.

В республиках Прибалтики процессы «коммеморации» и «рекоммеморации» активизировались в момент начала дискуссий о будущем республик, о возможном выходе из состава СССР. С конца 1980-х — начала 1990-х годов стремление различных общественных групп в Латвии «реабилитировать», «вернуть» забытые исторические даты связано с поиском опорных точек для определения того, по какому пути должна идти республика. Поскольку речь шла о восстановлении суверенитета, обращение к периоду Первой мировой и Освободительной войн 1918–1920 гг., провозглашению Латвийского государства и истории Первой Латвийской Республики стало логичным следствием поиска своих истоков.

Тема формирования новой исторической памяти как набора практик, с помощью которых различные политические силы создают новую историческую канву, выводят на первый план те или иные исторические события, создают новый календарь памятных дат, вызывает у исследователей неизменный интерес. Уделяется внимание тому, как рождалось новое гражданское общество в период распада СССР и стремления к независимости его бывших частей, а также акцентам, расставлявшимся, чтобы показать «черные страницы истории», связанные прежде всего с пребыванием республик в составе Советского Союза⁴. Формирование «новой» истории тесно связано также и с национальными отношениями, появлением «русского вопроса» в Прибалтике, дискуссиями по вопросам гражданства, национальности, статуса русского языка. Этому также уделяется большое внимание в современной историографии⁵. Российских исследователей интересуют в первую очередь истоки «дискриминационной политики» стран Балтии в отношении меньшинств, прежде всего русскоязычного населения⁶. Интерес этот неразрывно связан с тем, что отношения со странами Балтии за истекшие тридцать с лишним лет с момента обретения ими независимости нельзя назвать безоблачными, поэтому теме «войн памяти» как особой форме идеологического противостояния на постсоветском пространстве также уделяется немалое внимание⁷. Тезисы о «приватизации истории» на постсоветском пространстве⁸, в том числе в странах Балтии, отражают болезненность дискуссий и показывают, что целый ряд сфер общественной жизни является полем жестоких битв памяти⁹, которые далеки от завершения. Истоки их берут начало в том числе в эпоху перестройки.

³ Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2002; Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007; Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 43–64; Астров А. Эстония: политическая борьба за место в истории // Там же. С. 109–124; Маколи М. Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. 2011. № 1–2. С. 134–149; Миллер А. И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121; и др.

⁴ См.: Оленченко В. А. Календарь как отражение исторической памяти в странах Балтии // Россия и Балтия. Вып. 11. Проблемы истории XX века / отв. ред. А. О. Чубарьян, ред.-сост. Е. Л. Назарова. М., 2023. С. 314–326.

⁵ См.: Мусаев В. И. «Русский вопрос» в странах Балтии в 1990-х – 2000 гг. и российско-прибалтийские отношения // История и историческая память. 2011. № 4. С. 87–106.

⁶ Зеерев К. А. Русскоязычное население Латвии в контексте местной политики памяти (1991–2014 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 4. С. 70–77.

⁷ Бордюгов Г. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011; Зеерев К. А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 202–215.

⁸ См., например: Чураков Д. О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом / под ред. К. А. Пахалюка. М.; СПб., 2018. С. 421–431.

⁹ См. например: Бадасарян В. Э. Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве // Преподавание военной истории в России и за рубежом / под ред. К. А. Пахалюка. М.; СПб., 2018. С. 67–86; Давиденко А. А., Мегем М. Е., Филёв М. В. Декодировка символического пространства: «памятникопад» в странах Балтии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 12 (122). Ч. I. URL: <https://history.jes.su/s207987840021796-4-1/> (дата обращения: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840021796-4

В настоящей статье речь пойдет о начальном периоде формирования нового исторического нарратива в Латвии в годы перестройки, когда вследствие различных инициатив, исходивших как от политических групп, так и общественных деятелей, восстанавливалась память о «забытых страницах истории», событиях и людях, которые по идеологическим причинам в Советском Союзе не упоминались. Хронологические рамки статьи обозначают важную веху в этих процессах: именно в последние годы перестройки и существования СССР в принятых в республиках Прибалтики политических документах, направленных на восстановление суверенитета, многие исторические события объявлялись доминирующими и выстраивалась концепция преемственности и юридической идентичности независимых государств Балтии, существовавших в 1918–1940 гг., и республик, стремившихся выйти из состава СССР и восстановить утраченную независимость¹⁰.

Подготовка общественного мнения Латвии в период перестройки приняла форму общественных дискуссий. Публикации в латвийской печати («Ригас Балсс», «Елгава Зиньтайс», «Советская молодежь», «Даугава», *Liesma* и др.), посвященные различным историческим событиям, авторами которых были как журналисты, общественные деятели, так и профессиональные историки, служат отражением того, как эти вопросы обсуждались в публичной сфере. Немало исторических событий и памятных дат получали новые интерпретации, положительные или отрицательные оценки, становились основой для второго «национального возрождения».

Так, например, возрождается память об истории участия латышских стрелковых батальонов в Первой мировой войне и подчеркивается их роль в крупных сражениях, в том числе в Митавской операции (так называемых Рождественских боях) 1916–1917 гг., когда русская армия предприняла попытку наступления в соответствии с общим планом Антанты¹¹. Справедливости ради надо заметить, что идея рассматривать латышские стрелковые батальоны русской императорской армии как предтечу национальной армии Латвии родилась гораздо раньше — об этом писали историки и публицисты Первой Республики в 1920–1930-х годах¹². Несмотря на то что приказ об образовании батальонов подписал в 1915 г. командующий Северо-Западным фронтом генерал М.В. Алексеев, призыв латышских депутатов Госдумы «Собирайтесь под латышскими флагами!» вызывал у многих национальный восторг¹³. В межвоенный период память о том, что латыши воевали против немцев, защищая родную землю, была важнее истории формирования их батальонов под российской имперской властью.

В период перестройки можно наблюдать схожие процессы — для многих авторов важно было подчеркнуть национальную составляющую и отказаться от традиционной советской трактовки империалистической войны, в которой участники-латыши рассматривались «несчастливыми, обманутыми жертвами». Напротив, истоки борьбы за национальную независимость искали и находили в сражениях Первой мировой войны — борьба латышей против немцев летом 1919 г., Цессиская битва, в ходе которой объединенные силы национальных армий Эстонии и Латвии одержали победу над немецкими войсками («Железной дивизией» и «Прибалтийским ландесвером»)¹⁴, освобождение Риги и вытеснение с территории

¹⁰ См.: Михайлова Ю.Л. «Вспоминая историческую годовщину...»: Рижский мирный договор 11 августа 1920 г. в латвийской прессе в 1988–1990 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023400-9-1/> (дата обращения: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840023400-9; Зверев К.А. Русскоязычное население Латвии... С. 71.

¹¹ Были и рождественские бои // Ригас Балсс. 04.XI.1989.

¹² См. об этом: Михайлова Ю.Л. Историческая память о войне 1812 года в латвийской прессе в межвоенный период // Россия и Балтия. Вып. 10. Диаспоры народов Балтии к востоку от этнической родины. XIX — начало XX века / отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М., 2021. С. 408–428.

¹³ См.: Шалда В. Истина или легенды: актуальные вопросы истории латышских стрелков в публицистике и историографии Латвийской Республики // Россия и Балтия. Вып. 9. Источник и миф в истории / отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М., 2020. С. 85–86.

¹⁴ Cēsu kaujām — 70 // *Liesma*. 05.VII.1989; Cēsu kauju hronika // *Padomju Druva*. 17.VI.1989; Pulkvedis V. Ozols par Cēsu kaujām // *Padomju Druva*. 22.VI.1989.

Латвии армии П.Р. Бермондта-Авалова, как борьба героя латышского эпоса Лачплесиса против Черного Рыцаря (который также являлся пришлым захватчиком — немцем), делала их героями «справедливой освободительной войны»¹⁵.

Именно поэтому завершение бермонтады, когда латышские силы 11 ноября 1919 г. вытеснили Западнорусскую добровольческую армию из предместий Риги, в межвоенный период назвали Днем Лачплесиса, днем памяти героев¹⁶. В период перестройки эта дата вернулась в праздничный календарь республики — соответствующим указом от 10 ноября 1989 г. Президиум Верховного Совета ЛССР признал его памятным днем¹⁷. Эти события, вновь «открытые» для латышского народа, трактовались уже не как классовая, а как национальная победа, а празднование этой даты сопровождалось с 1989 г. вывешиванием национальных красно-бело-красных флагов, которые вновь стали символом борьбы: «Утром 11 ноября в центре нашего города и в других местах к небу взвился самый дорогой и прекрасный флаг на земле — наш красно-бело-красный флаг. Он был поднят, этот боевой флаг латышского народа, чтобы он сегодня звал нас к новой освободительной борьбе»¹⁸.

11 ноября, а также 18 ноября — день, когда в 1918 г. Народный Совет Латвии провозгласил независимость, романтизировались и популяризировались в прессе и общественном пространстве Латвии, стали «святыми днями памяти»: «18 ноября — это снова государственный праздник, его политическое значение сегодня — крепить наше национальное самосознание и самоуважение, помочь избавиться от синдрома неполноценности, приобретенного в период сталинизма и стагнации»¹⁹.

Это включало и различные коммеморативные практики — митинги и шествия, возложение цветов к памятным местам (монументу Свободе в Риге, например), возвращение старых названий улицам и бульварам, связанных с именами и событиями истории межвоенной Латвии²⁰.

Была предпринята попытка подвергнуть пересмотру и такой исторический факт, как год основания Риги. Так, например, в одном из интервью ученый-химик, академик АН ЛССР Я.П. Страдыньш, который представлял также Латвийское объединение историков естествознания и техники, заявлял: «Мы меняем год основания Риги — этот вопрос недавно обсуждался на редколлегии новой энциклопедии Рига. Вместо традиционного 1201 года, когда епископ Альберт заложил средневековый немецкий город, мы выбираем 1198 год, когда впервые в Хронике Генриха Латвийского упоминается место — Рига, упоминается в связи с тем, что возле него ливы разбили первый отряд меченосцев. Дело не в том, что Рига станет на три года старше... и ее 800-летие будет отмечаться еще в XX веке, но в том, что мы увязываем основание города не с приходом меченосцев, а с историей местных народностей, с древней традицией великого пути из варяг в греки»²¹. Попытка удревнить историю латышей, показать, что автохтонное население, хоть и испытало значительное немецкое влияние в Средние века, имело свою историю и культуру — отнюдь не новое на тот момент «слово в науке». Схожие процессы происходили и в межвоенный период, когда в Первой Республике крепло желание доказать, что город Рига был основан не «немецкими купцами и рыцарями». В 1930-е годы этой проблемой серьезно занимался археолог Фр. Балодис, который в 1938 г. представил доклад об основании Риги, где подчеркивал, что «еще до прибытия немцев в страну латышей на берегах Даугавы, на месте Риги, были

¹⁵ Были и рождественские бои // Ригас Балсс. 04.I.1989.

¹⁶ *Добелис Я.* Хроника боев за освобождение Риги // Ригас Балсс. 10.XI.1988.

¹⁷ 11 ноября — день Лачплесиса // Елгавас Зиньтайс. 11.XI.1989. № 178. См. также: Закон Латвийской ССР «О праздничных и памятных днях» // Советская молодежь. 14.XI.1989.

¹⁸ Елгавас Зиньтайс. 14.XI.1989; 18.XI.1989.

¹⁹ Елгавас Зиньтайс. 11.XI.1989.

²⁰ См. например: Кем является для нашего народа Янис Чаксте? // Елгавас Зиньтайс. 07.IV.1989.

²¹ *Страдынь Я.* «История... Возведение мостов между народами, эпохами и людьми» // Даугава. 01.IX.1987. С. 111–122.

три селения» куршей, земгалов, летгалов и ливов²². Но даже и в этом случае правильное говорить не об «открытии», а лишь об интерпретации фактов и данных археологии.

Отказ от «немецкого прошлого» — характерная черта идеологии Первой Республики, времени строительства национального государства, когда в прибалтийских немцах как бывших господах видели раздражающий фактор. В конце 1980-х годов, разумеется, подобной неприязни прибалтийские немцы уже не вызывали, однако общественная инициатива²³ членов Латвийского объединения историков естествознания и техники диктуется схожим желанием: написать историю латышской Латвии в тот исторический момент, когда вопрос о суверенитете — уже не просто мечты, а все более реальная перспектива.

В латвийской прессе публиковались и материалы, посвященные возвращению памятных дат в соседних республиках, которые шли по тому же пути. Так, вышла обзорная статья о возвращении старых праздничных дат: 24 февраля 1918 г., когда был опубликован Манифест ко всем народам Эстонии, в котором провозглашалась независимость Латвии, уже упомянутая Цесисская битва 23 июня 1919 г. (в эстонской традиции — битва под Вынну, «День победы»), 2 февраля 1920 г., день заключения Тартуского мира с РСФСР, который стал признанием независимой Эстонии²⁴. Ее автор, член правления Латвийского эстонского общества К. Крузе, представил для читателя краткий экскурс в историю Освободительной войны и установления первой независимости. Статья вышла в 1990 г. и представляла собой новую трактовку событий: речь уже не шла, как в советской истории Прибалтики, о значении Эстляндской трудовой коммуны как первой признанной большевиками государственности страны. Напротив, автор подчеркивал, что 1919 г. прошел под знаком гражданской и освободительной войн, в которых «доминировала война между Эстонской Республикой и Советской Россией». Преодоление последствий войны, заключение мира с Советской Россией признавались заслугой эстонского народа и залогом недолгого существования первой Эстонской Республики.

Забвение «на долгие годы» Дня независимости Эстонии и возвращение даты в формирующийся национальный и государственный нарратив, равно как и сине-черно-белого флага, очень отзывались у латвийского читателя: республики вновь проживали общую историческую судьбу, «уверенными шагами» двигаясь навстречу государственной независимости.

Эти процессы сложно представить без активной работы с молодежью. В частности, школьникам одной из школ Елгавы предложили в качестве сочинения тему «18 ноября — это день, когда...»²⁵. Впечатления молодых людей от того, что дата провозглашения независимости Латвийского государства возвращена как официальный праздник, разнились и демонстрировали наметившийся раскол в обществе: для одних — это символ национального возрождения («При упоминании 18 ноября мне тут же хочется сказать слово латыши. ... Это прекрасный, свободный день»), для других — необходимость жить в новом государстве и свыкнуться с переходом в статус национального меньшинства («Этот праздник латышского народа, а я привыкла праздновать 7 ноября, День Конституции, 1 мая, 9 мая и т.д. Лично мне 18 ноября не нужен! Я за то, чтобы ввели латышские праздники, но оставили и традиционно русские. Все понятно — латыши поднимают свою культуру, но они не понимают, что этим угнетают нас»).

По мере укрепления идеи государственного суверенитета, когда в Латвии (как и в других балтийских республиках) формировались различные политические платформы, подготавливавшие выход из СССР, большое значение как еще одна «положительная» историческая дата приобрел договор 11 августа 1920 г., заключенный между РСФСР и Латвийской

²² Новейшие археологические находки свидетельствуют о латышском происхождении гор. Риги // Сегодня. 21.V.1938.

²³ Данная общественная инициатива развития не получила. Торжественные мероприятия, посвященные 800-летию столицы Латвии, состоялись в августе 2001 г.

²⁴ День независимости Эстонии // Ригас Балс. 22.II.1990.

²⁵ Елгавас Зинѣтайс. 17.XI.1990.

Республикой и положивший конец войне на этих территориях²⁶. В соответствии с ним Россия «на вечные времена» отказывалась от притязаний на землю и народ Латвии.

В период перестройки советско-латвийский договор также сыграл большую роль в формировании исторической памяти о началах балтийской государственности и истоках суверенитета. Он противопоставлялся событиям 1940 г., когда СССР нарушил обещание не претендовать на территорию Латвии и других балтийских стран. Тогда же тезис о продолжающейся оккупации включается в текст основных документов балтийских республик. Так, в «Декларации о восстановлении государственной независимости Латвийской Республики» от 4 мая 1990 г. говорилось об оккупации, начавшейся в июне 1940 г. Позже этот тезис был повторен в законе «О государственном статусе Латвийской Республики» от 21 августа 1991 г., где ясно говорилось о свершившейся аннексии и продолжающейся оккупации²⁷. Историки подчеркивают, что эти документы легли в основу исторической политики Латвии, осуществляющейся и в настоящее время²⁸. По этому же пути шли и другие прибалтийские республики. 7 февраля 1990 г. было принято Постановление Верховного Совета Литовской ССР «О советско-германских договорах от 1939 г. и ликвидации их последствий для Литвы», где говорилось, что Декларация Народного сейма Литвы от 21 июля 1940 г. о вхождении Литвы в СССР является незаконной и недействительной, а закон СССР «О принятии Литовской ССР в Союз ССР» от 3 августа 1940 г. был объявлен нелегитимным²⁹.

В Постановлении Верховного Совета Эстонской ССР «О государственном статусе Эстонии» от 30 марта 1990 г. говорилось: «Верховный Совет Эстонской ССР утверждает, что оккупация Эстонской Республики Союзом ССР 17 июня 1940 г. не прервала существование Эстонской Республики де-юре; территория Эстонской Республики является оккупированной до настоящего времени»³⁰.

С конца 1980-х годов тезис о том, что возрожденная независимость должна опираться и на признание договора 1920 г. как действующего, не утратившего силу, ложится в основу депутатских программ. Наличие такой программы обеспечивало мандат в Верховный Совет ЛССР: на выборах 1989 г. большинство «получили депутаты, которые были готовы встать на путь возобновления государственной независимости республики». Утверждение, что договор между РСФСР и Латвийской Республикой от 1920 г. не утратил своей силы, основывалось в том числе на факте отсутствия положения о его денонсации. Также в предвыборные программы депутатов включались тезисы о том, что и другие договоры и соглашения, заключенные между Латвией и СССР в период первой независимости, «по сей день имеют юридическую силу». В Постановлении Президиума Верховного Совета Латвийской Республики (август 1990 г.) договор упоминался как основа формирования дальнейших отношений между Россией и Латвией³¹.

Таким образом, договор 1920 г. становился важным элементом концепции преемственности государственности: он был одной из основ самоопределения Балтии в 1920 г., и вновь выступил в этом качестве в конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда речь шла об отделении от СССР и нежелании участвовать в разработке союзного договора, направленного на сохранение и обновление Союза ССР.

²⁶ См. подробнее: Михайлова Ю.Л. «Вспоминая историческую годовщину...»

²⁷ Конституционный закон Латвийской Республики «О государственном статусе Латвийской Республики». 21 августа 1991 // URL: https://www.gorby.ru/userfiles/latvia_21.pdf (дата обращения: 23.07.2024).

²⁸ См.: Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121; *Его же*. «Историческая политика» в Восточной Европе: плоды вовлеченного наблюдения. Лекция Алексея Миллера // Полит.ру. 7.V.2008. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2008/05/07/miller.html> (дата обращения: 23.07.2024); *Зверев К.А.* Русскоязычное население Латвии... С. 70–77.

²⁹ Подробнее см.: *Зверев К.А.* Историческая политика Эстонской Республики... С. 203.

³⁰ Постановление Верховного Совета Эстонской ССР «О государственном статусе Эстонии». 30 марта 1990 // URL: [https://www.gorby.ru/userfiles/estonia_20\(1\).pdf](https://www.gorby.ru/userfiles/estonia_20(1).pdf) (дата обращения: 23.07.2024).

³¹ На пути к правде // Ригас Балсс. 08.VI.1989.

Особое внимание обращалось на такие даты и события, как Договор о ненападении между Германией и СССР 23 августа 1939 г., аннексия 1940 г. и последовавшие массовые депортации населения Латвии, пришедшиеся на 1941 г. и 1948–1949 гг. Всплеск интереса пришелся на 1989 г. В Прибалтике это проявилось мощным общественным движением, мобилизацией всего общества. Наиболее ярким выражением формирования новой коллективной памяти о прошлом стала широко известная акция «Балтийский путь», организованная народными фронтами республик 23 августа 1989 г. и призванная выразить общественный протест против аннексии Балтии в 1940 г. и одновременно привлечь к этому событию прошлого международное внимание.

Договору о ненападении между СССР и Германией уделялось в этот период повышенное внимание во всем советском обществе. Была образована Комиссия по политической и правовой оценке договора под руководством секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева. В ходе заседаний комиссии именно депутаты из прибалтийских республик придавали особое значение обнародованию факта существования секретного протокола. Образование комиссии приветствовали министр юстиции Латвийской ССР В. Скудра, секретарь ЦК Компартии Латвии И. Кезберс.

Журналист И. Декшениекс подчеркивал: «Этот протокол был началом, точкой опоры для развязывания дальнейших действий, в результате которых ...летом 1940 года была растоптана независимость государств Балтии»³². А.Н. Яковлев в воспоминаниях называл постановление Второго съезда народных депутатов по пакту Молотова – Риббентропа «решающим этапом на пути Прибалтики к независимости»³³.

Международно-правовая оценка событий 1939 г. таким образом депутатами напрямую связывалась с фактом признания незаконного включения Латвии и других прибалтийских республик в состав СССР. Сама будущая независимость Латвии в представлениях политиков и общественных деятелей связывалась с признанием преступного характера пакта Молотова – Риббентропа. Тем большее раздражение у прибалтийских депутатов вызывали дискуссии, которые все еще велись на Съезде народных депутатов СССР и даже в рамках комиссии А.Н. Яковлева, о том, существовал ли протокол к договору 23 августа в действительности: «Все это давно известно. Поэтому еще менее понятными кажутся баталии на втором Съезде народных депутатов СССР, разразившиеся при оценке пакта Молотова – Риббентропа. ... Все рассуждения уперлись в один вопрос: существовали ли секретные протоколы?»³⁴.

В день проведения акции «Балтийский путь» в газете «Советская молодежь» было опубликовано совместное интервью директора ИВИ АН СССР А.О. Чубарьяна и секретаря ЦК Компартии Латвии И. Кезберса, призванное представить обществу академическую и официальную трактовку событий 1939–1940 гг. Кезберс еще раз подчеркнул, что наибольшие споры вызывают именно секретные соглашения между нацистской Германией и СССР. Политик вписывал разгоревшиеся дискуссии в контекст формирования новых представлений об истории страны: «Мы переоцениваем нашу историю и вновь вынуждены все переписывать заново». А.О. Чубарьян отметил, что советские историки «долго выражали сомнение в существовании этих протоколов». Принимая во внимание волну общественной критики в отношении событий августа 1939 г., историк подчеркнул, что всестороннюю оценку можно дать лишь с учетом множественности внутренних и внешних факторов: «Вне конфликта Прибалтика остаться не могла. ... И сегодня мы осуждаем отношение Сталина к демократическим политическим организациям Прибалтики, не снимаем ответственности за противоправный ультимативный характер его требований...

³² Декшениекс И. Черные годовщины истории // Елгавас Зинётайс. 23.VIII.1991.

³³ Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 418–419. См. также: Яковлев А.Н. Избранные интервью 1992–2005 гг. М., 2009. С. 353.

³⁴ Черные даты истории. Еще раз о пакте Молотова – Риббентропа // Елгавас Зинётайс. 24.VIII.1991; Еще раз о пакте // Советская молодежь. 08.VI.1989.

Но когда мы говорим: надо извлекать уроки из прошлого, это не значит, что мы должны включать историю в сегодняшний день»³⁵.

Интересна определенная симметрия в оценке того, можно ли считать мирные договоры 1920 г. стран Балтии с Советской Россией и советско-германский договор 1939 г. действующими. Последний также некоторые представители национального движения, члены НФЛ, противостоя официальной позиции³⁶, полагали действующим, не денонсированным, не принимая в расчет логичную мысль, что начало войны между Германией и Советским Союзом означало конец всех предшествующих соглашений. Например, депутат и журналист Э. Инкенс полагал, что пакт Молотова — Риббентропа «все еще имеет какое-то влияние», и именно та часть, которая касается аннексий в Прибалтике³⁷. Обоснование такой позиции давалось со ссылкой на соглашение Сикорского — Майского от 30 июля 1941 г., согласно которому советское правительство признавало советско-германские договоры 1939 г. утратившими силу в части территориальных изменений в Польше (собственно о Польше в этом соглашении говорилось, а о Прибалтике, которая на тот момент уже была частью СССР, нет).

Подтверждением того, что 1939 г. стал рубежной датой в формировании исторической памяти, служит упоминание договора о ненападении между Германией и Советским Союзом в ряде нормативных актов прибалтийских республик³⁸.

Скорбными днями памяти становились и годовщины депортаций, предпринимавшихся советской властью после аннексии стран Балтии³⁹. Это — часть общей тенденции перестройки. Пункт о признании депортаций 1941 г. и 1948–1949 гг. массовыми преступлениями против человечества и необходимости опубликовать фамилии непосредственных виновников был включен в программы НФЛ и ДННЛ⁴⁰.

Однако если в современном национальном нарративе Латвии советская эпоха очень четко отделяется от первой независимости — раздел приходится на июнь 1940 г., то в 1988–1989 гг. выдвигались и другие концепции. Внимания заслуживает статья историков И. Шнейдере и А. Жвинкиса⁴¹, опубликованная в газетах «Циня» и «Ригас Балсс» в ноябре 1989 г. Авторы связывают депортации 1940–1941 гг. в том числе с законодательством авторитарного режима К. Улманиса, в частности с Законом о порядке и общественной безопасности от 11 февраля 1938 г. Вопросы общественной безопасности были выведены из юрисдикции судов и переданы в прямое ведение МВД, что определяло иной порядок их рассмотрения. Историки подчеркивали, что дела по преступлениям, угрожающим общественному порядку, разбирались в упрощенном виде, в сжатые сроки «по законам военного времени». Этот закон использовался созданным 26 августа 1940 г. Советом Народных Комиссаров ЛССР. На его основе и были арестованы либо депортированы члены правительства К. Улманиса К. Вейдникс, В. Мунтерс, К. Беркис, Х. Апситис, а также бывший военный министр Я. Балодис, директора департаментов министерства иностранных дел А. Стегманис, А. Кампе и другие. Он действовал до 6 ноября 1940 г., когда в Латвии начался переход на пользование уголовным законодательством СССР. «Мы должны осудить не только те беззакония, юридическое “обоснование” которых было навязано Латвии извне, но и те, которые в свое время узаконило авторитарное правительство. Это наш общий долг», — заключали

³⁵ Позорный альянс или вынужденный шаг? // Советская молодежь. 23.VIII.1989.

³⁶ Так, в упомянутом выше официальном интервью И. Кезберса и А.О. Чубарьяна договор 23 августа 1939 г. был признан утратившим силу в момент нападения Германии на СССР. См.: Там же. С. 3.

³⁷ На пути к правде // Ригас Балсс. 08.VI.1989.

³⁸ Например: Декларация верховного Совета Литовской ССР «О государственном суверенитете Литвы» от 26 мая 1989 г.; Декларация Верховного Совета Латвийской ССР «О восстановлении независимости Латвийской Республики» от 4 мая 1990 г.

³⁹ Риекстиньш Я. Депортация — преступление против народа // Ригас Балсс. 14.VIII.1989; Юрасов Д. «Сутками и литрами» // Даугава. 01.XII.1989.

⁴⁰ См., например: Программа Народного фронта Латвии // Советская молодежь. 08.IX.1988; Корень зла — еще в тридцать девятом // Ригас Балсс. 13.VI.1989.

⁴¹ Законные беззакония // Ригас Балсс. 21.XI.1989.

историки. Таким образом, ставился почти знак равенства между авторитарным правительством К. Улманиса, который пришел к власти в результате переворота в мае 1934 г., и марionеточным правительством А. Кирхенштейнса. Это была своеобразная альтернатива общей тенденции идеализировать историю Первой Республики, которая была характерна для представителей национальной оппозиционно настроенной интеллигенции.

Примером же идеализации могут служить, в частности, оценки актрисы М. Клетниесе, прозвучавшие в интервью газете «Ригас Балсс»: «Было создано Латвийское государство. Постепенно оно созревало и достигло своего расцвета — и в области хозяйства, и в сфере культуры. Трудом, старанием... можно было добиться многого. И вот наступило 17 июня 1940 года. В Латвию вошли русские танки, президент Улманис произнес свою последнюю речь: “Я остаюсь на своем месте, оставайтесь и вы все на своих местах” ... Однако вскоре Латвия была включена в состав Советского Союза. Наше хозяйство, наша культура оказались разрушены, бесследно исчезали люди, вместо латвийского флага развевался красный флаг. Наступил грозный год, с его массовыми депортациями... “красная мгла” окутала поля Латвии»⁴². История межвоенной Латвии в такой трактовке — единый положительный нарратив, в котором отсутствуют критические оценки даже в отношении режима К. Улманиса.

В качестве еще одной иллюстрации можно привести материал, опубликованный журналистом Х. Крейцбергсом⁴³, который, рассуждая о необходимости формирования институтов национально-культурной автономии в меняющейся Латвии, основы многонациональной культуры и взаимопонимания находил в Конституции Латвийской Республики 1922 г., гарантировавшей, по его словам, автономию каждого народа в стране. Идеализировал он и авторитаризм К. Улманиса, которому якобы и в голову не приходило ликвидировать систему национальных школ и культурную автономию.

От внимания автора как будто вовсе ускользал тот факт, что принятие Конституции 1922 г. шло трудно, в конечный текст вошла только формулировка «перед законом и судом все граждане равны», а еще одна часть, касавшаяся учреждения автономных публично-правовых организаций меньшинств, в итоговый вариант не вошла. Частичная автономия реализовывалась на основании двух других отдельных законов и касалась почти исключительно школ меньшинств⁴⁴.

Выкладки насчет режима Улманиса также сомнительны: его курс на латышскую Латвию, ликвидация специальных представительных отделов от меньшинств в министерстве образования, ощутимые затруднения при поступлении на работу, инструкция, согласно которой дети от смешанных браков должны были учиться в латышской школе — все это едва ли может служить примером добрых традиций в отношениях меньшинств и титульной нации⁴⁵. Подобное некритическое отношение к тому, как развивалась Латвия в период первой независимости, — пример представления об «идеальном» отечестве, утраченном в результате аннексии 1940 г.

Разумеется, движения национальных фронтов, которые по представлениям центра создавались в защиту перестройки и реформ, а с течением времени стали действовать в русле продвижения идеи полной независимости, не могли не беспокоить союзные власти. В центральной («Правда») и местной⁴⁶ прессе публиковались материалы, в которых авторы, хоть и признавая необходимость обновления Союза, встраивали историю Латвии (Латвийской ССР) в прежний исторический нарратив.

⁴² Ригас Балсс. 11.III.1990.

⁴³ Крейцбергс Х. Без предубеждений // Ригас Балсс. 14.VI.1989.

⁴⁴ Законы «Об организации школ меньшинств в Латвии» (Par mazākuma tautību skolu iekārtu Latvijā) и «О просветительных учреждениях» (Par Latvijas izglītības iestādēm) от 8 декабря 1919 г. См.: Valdības Vēstnesis. 17.XII.1919.

⁴⁵ См.: Фейгмане Т. Русское население Латвии (1920–1940). Развитие образования // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. № 10. С. 16–19.

⁴⁶ Федеративный союз // Lauku Avīze. 14.VII.1989.

Это и стремление показать преемственность государственности Латвии от истории Социалистической Советской Республики Латвия П. Стучки (существовала с декабря 1918 до весны 1920 г.)⁴⁷, и тезис о том, что «существование независимой буржуазной республики следует оценивать... как результат победы Великой Октябрьской революции в России»⁴⁸, и желание оспорить правомочность выстраивания отношений балтийских республик с СССР на «основе межгосударственных договоров» (что на определенном этапе стало означать отказ Прибалтики участвовать в разработке нового союзного договора). Авторы такого рода статей стояли на позиции сохранения союзного договора 1922 г.: «Мы считаем, что ни экономических, ни социальных, ни юридических оснований для пересмотра Договора об образовании СССР нет». Тем самым выстраивался другой нарратив, звучали призывы к пересмотру союзной конституции, которая в будущем должна «разграничить полномочия союзной и республиканской компетенций»⁴⁹.

Подобной умеренной позиции придерживались и некоторые латвийские депутаты. Например, упомянутый И. Кезберс в своих интервью последовательно осуждал советско-германские соглашения, воплотившиеся в договорах 23 августа и 28 сентября 1939 г. и секретных протоколах⁵⁰, но одновременно подчеркивал, что «возможности социалистической федерации еще не исчерпаны»⁵¹, а потому признание протоколов не должно означать «немедленный выход» из Союза ССР. Кезберс выступал за пересмотр союзного договора, призывая взять «все лучшее» из истории межвоенной Латвии и строить новую страну – демократическую Латвию XXI века.

Таким образом, в позднесоветский период формируется новая историческая память, которая подразумевала преемственность между двумя республиками: первой, межвоенного периода, и новой, которая отстаивала суверенитет и добивалась независимости. Выстраивание доктрины государственной непрерывности, поиск опорных точек, которые стали бы фундаментом для новой государственной и национальной идентичности, с одной стороны, являлись попыткой преодолеть тяжелое историческое прошлое, связанное с потерей независимости в 1940 г., и выстроить концепцию легитимных международных отношений, с другой – были частью посткоммунистического конструирования национального нарратива, характерного для Восточной Европы, в центре которого – страдания титульной нации от навязанного режима. Эта повестка лишь актуализируется в условиях современных непростых международных отношений.

Библиография

Астров А. Историческая политика и «онтологическая озабоченность» малых центрально-европейских государств (на примере Эстонии) // Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2002. С. 184–215.

Астров А. Эстония: политическая борьба за место в истории // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 109–124.

Багдасарян В. Э. Становление образа исторического врага в школьных учебниках истории на постсоветском пространстве // Преподвание военной истории в России и за рубежом: сб. ст. / под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2018. С. 67–86.

Бордюгов Г. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М., 2011.

Давиденко А.А., Меем М.Е., Филёв М.В. Декодировка символического пространства: «памятник-копад» в странах Балтии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 12 (122). Ч. I. URL: <https://history.jes.su/s207987840021796-4-1/> (дата обращения: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840021796-4

⁴⁷ Продолжать революцию сегодняшними делами. Доклад А.В. Горбунова на торжественном заседании ЦК Компартии Латвии и Верховного Совета Латвийской ССР // Советская молодежь. 17.I.1989.

⁴⁸ *Апине И.* Национальные отношения в Латвии: история и современность // Ригас Балсс. 07.VII.1989.

⁴⁹ *Федеративный союз* // Lauku Avīze. 14.VII.1989.

⁵⁰ Позорный или вынужденный шаг? // Советская молодежь. 23.VIII.1989.

⁵¹ Стенограмма заседаний первого съезда народных депутатов СССР. 25 мая – 9 июня 1989 г. // Ригас Балсс. 08.VI.1989.

- Зверев К.А. Историческая политика Эстонской Республики в контексте национально-государственного строительства // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 1 (64). С. 202–215.
- Зверев К.А. Русскоязычное население Латвии в контексте местной политики памяти (1991–2014 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 4. С. 70–77.
- Историческая политика в XXI веке / науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М., 2002.
- Маколи М. Историческая память и общество сограждан // Pro et Contra. 2011. № 1–2. С. 134–149.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.
- Методологические вопросы изучения политики памяти / ред. А. Миллер, Д. Ефременко. М., СПб., 2018.
- Миллер А. Россия: власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 6–23.
- Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру // Полития. 2016. № 1 (80). С. 111–121.
- Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти – причины и последствия // Полития. 2019. № 3 (94). С. 87–102.
- Михайлова Ю.Л. Историческая память о войне 1812 года в латвийской прессе в межвоенный период // Россия и Балтия. Вып. 10. Диаспоры народов Балтии к востоку от этнической родины. XIX – начало XX века / отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М., 2021. С. 408–428.
- Михайлова Ю.Л. «Вспоминая историческую годовщину...»: Рижский мирный договор 11 августа 1920 г. в латвийской прессе в 1988–1990 гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023400-9-1/> (дата обращения: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840023400-9
- Мусаев В.И. «Русский вопрос» в странах Балтии в 1990-х – 2000 гг. и российско-прибалтийские отношения // История и историческая память. 2011. № 4. С. 87–106.
- Оленченко В.А. Календарь как отражение исторической памяти в страна Балтии // Россия и Балтия. Вып. 11. Проблемы истории XX века / отв. ред. А.О. Чубарьян, ред.-сост. Е.Л. Назарова. М., 2023. С. 314–326.
- Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность. Подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 9–15.
- Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания. М., 2003.
- Траба Р. Польские споры об истории в XXI веке // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 43–64.
- Фейгмане Т. Русское население Латвии (1920–1940). Развитие образования // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. № 10. С. 16–19.
- Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом: сб. ст. / под ред. К.А. Пахалюка. М.; СПб., 2018. С. 421–431.
- Яковлев А.Н. Избранные интервью 1992–2005 гг. М., 2009.

References

- Astrov A. Estoniia: politicheskaia bor'ba za mesto v istorii [Estonia: the political struggle for a place in history] // Pro et Contra. 2009. № 3–4. S. 109–124. (In Russ.)
- Astrov A. Istoricheskaia politika i “ontologicheskaia ozabochennost” malykh tsentral'no-evropeiskikh gosudarstv (na primere Estonii) [Historical politics and the “ontological concern” of small Central European states (on the example of Estonia)] // Istoricheskaia politika v XXI veke [Historical politics in the 21st century] / nauch. red. A. Miller, M. Lipman. Moskva, 2002. S. 184–215. (In Russ.)
- Bagdasarian V.E. Stanovlenie obraza istoricheskogo vraga v shkol'nykh učebnikakh istorii na postsovetском prostranstve [The formation of the image of the historical enemy in school textbooks of history in the post-Soviet space] // Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom [Teaching military history in Russia and abroad: collection of articles]: sb. st. / pod red. K.A. Pakhaliuka. Moskva; Sankt-Peterburg, 2018. S. 67–86. (In Russ.)
- Bordiugov G. “Voiny pamiaty” na postsovetском prostranstve [“Memory Wars” in the post-Soviet space]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Churakov D.O. “Voiny pamiaty” i lokal'nye konflikty sovremennosti [“Wars of memory” and local conflicts of modernity] // Prepodavanie voennoi istorii v Rossii i za rubezhom [Teaching military history in Russia and abroad]: sb. st. / pod red. K.A. Pakhaliuka. Moskva; Sankt-Peterburg, 2018. S. 421–431. (In Russ.)
- Davidenko A.A., Megem M.E., Fil'ev M.V. Dekodirovka simvolicheskogo prostranstva: «pamiatnikopad» v stranakh Baltii [Decoding symbolic space: “monument fall” in the Baltic States] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2022. T. 13. Vyp. 12 (122). Chast' I. URL: <https://history.jes.su/s207987840021796-4-1/> (access date: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840021796-4 (In Russ.)

- Feigmane T.* Russkoe naselenie Latvii (1920–1940). Razvitie obrazovaniia [The Russian population of Latvia (1920–1940). Development of education] // Latvijas Zinātņu Akadēmijas Vēstis. 1992. № 10. S. 16–19. (In Russ.)
- Iakovlev A.N.* Izbrannye interv'iu 1992–2005 gg. [Selected interviews 1992–2005]. Moskva, 2009. (In Russ.)
- Istoricheskaia politika v XXI veke [Historical politics in the 21st century] / nauch. red. A. Miller, M. Lipman. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Makoli M.* Istoricheskaia pamiat' i obshchestvo sograzhdan [Historical memory and the society of fellow citizens] // Pro et Contra. 2011. № 1–2. S. 134–149. (In Russ.)
- Megill A.* Istoricheskaia epistemologiya [Historical epistemology]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Metodologicheskie voprosy izucheniia politiki pamiati [Methodological issues of studying the politics of memory] / red. A. Miller, D. Efremenko. Moskva; Sankt-Peterburg, 2018. (In Russ.)
- Mikhailova Iu.L.* “Vspominaia istoricheskuiu godovshchinu...”: Rzhskii mirnyi dogovor 11 avgusta 1920 g. v latviiskoi presse v 1988–1990 gg. [“Remembering the historical anniversary ...”: The Riga Peace Treaty on August 11, 1920 in the Latvian press in 1988–1990] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2022. T. 13. Vyp. 10 (120). URL: <https://history.jes.su/s207987840023400-9-1/> (access date: 23.07.2024). DOI: 10.18254/S207987840023400-9 (In Russ.)
- Mikhailova Iu.L.* Istoricheskaya pamyat' o vojne 1812 goda v latviiskoj presse v mezhoennoy period [Historical memory of the war of 1812 in the Latvian press in the interwar period] // Rossiya i Baltiya [Russia and Baltia]. Vyp. 10. Diaspory narodov Baltii k vostoku ot etnicheskoy rodiny. XIX – nachalo XX veka [Diasporas of the Baltic peoples to the east of their ethnic homeland. 19th – early 20th century] / otv. red. A.O. Chubar'yan, red.-sost. E.L. Nazarova. Moskva, 2021. S. 408–428. (In Russ.)
- Miller A.* Rossiia: vlast' i istoriya [Russia: power and history] // Pro et Contra. 2009. № 3–4. S. 6–23. (In Russ.)
- Miller A.I.* Politika pamiati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuiu kul'turu [The politics of memory in post-communist Europe and its impact on European culture] // Politika. 2016. № 1 (80). S. 111–121. (In Russ.)
- Miller A.I.* Rost znachimosti institutsional'nogo faktora v politike pamiati – prichiny i posledstviia [The growth of the importance of the institutional factor in the politics of memory – causes and consequences] // Politika. 2019. № 3 (94). S. 87–102. (In Russ.)
- Musaev V.I.* “Russkii vopros” v stranakh Baltii v 1990–kh–2000 gg. i rossiisko-pribaltiiskie otnosheniia [“The Russian question” in the Baltic States in the 1990s – 2000s and Russian-Baltic relations] // Istoriia i istoricheskaia pamiat' [History and historical memory]. 2011. № 4. S. 87–106. (In Russ.)
- Olenchenko V.A.* Kalendar' kak otrazhenie istoricheskoi pamiati v strana Baltii [Calendar as a reflection of historical memory in the Baltic States] // Rossiia i Baltiya. Vyp. 11. Problemy istorii XX veka [Russia and the Baltic States. Issue 11. Problems of the history of the twentieth century] / otv. red. A.O. Chubar'yan, red.-sost. E.L. Nazarova. Moskva, 2023. S. 314–326. (In Russ.)
- Repina L.P.* Istoricheskaia pamiat' i natsional'naia identichnost'. Podkhody i metody issledovaniia [Historical memory and national identity. Research approaches and methods] // Dialog so vremenem [Dialogue with time]. 2016. Vyp. 54. S. 9–15. (In Russ.)
- Repina L.P.* Kul'turnaia pamiat' i problemy istoriopisaniia [Cultural memory and problems of historiography]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Traba R.* Pol'skie spory ob istorii v XXI veke [Polish disputes about history in the 21st century] // Pro et Contra. 2009. № 3–4. S. 43–64. (In Russ.)
- Zverev K.A.* Istoricheskaia politika Estonskoi Respubliki v kontekste natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva [Historical policy of the Republic of Estonia in the context of national state building] // Problemy natsional'noy strategii [Problems of national strategy]. 2021. № 1 (64). S. 202–215. (In Russ.)
- Zverev K.A.* Russkoiazychnoe naselenie Latvii v kontekste mestnoi politiki pamiati [The Russian-speaking population of Latvia in the context of local memory policy] (1991–2014 gg.) // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University]. 2020. T. 26. № 4. S. 70–77. (In Russ.)